

С. И. Григорьев

«...Независимость Татар в Крыму ненадежна для нас...»: когда на самом деле в Петербурге решили присоединить Крым к России?

Представление о том, что властители Российской империи неизменно желали уничтожения Крымского ханства и в 1770-е гг. целенаправленно и последовательно шли к присоединению земель этого своего векового врага, — являлось общим местом как в советской, так и постсоветской историографии, посвященной данной тематике. Наибольшее распространение получило мнение, что после заключения в июле 1774 г. Кючук-Кайнарджийского мира вхождение Крыма в состав Российской империи было уже предопределено — а конкретные перипетии этого процесса особого интереса для изучения не представляют. В изданиях, рассматривавших международные отношения при Екатерине II, крымским событиям 1770-х гг. уделялось совсем мало внимания: считалось, что они были на далекой периферии европейской политики и не имели особого значения¹. Единственное обнаруженное нами историографическое исключение² лишь подтверждает этот общий подход.

Между тем в реальности намерение присоединить Крымское ханство возникло у императрицы Екатерины II далеко не сразу, став итогом определенной эволюции подходов. История того, как менялись в Петербурге взгляды на крымский вопрос, сохраняет определенную политическую актуальность и сегодня, а потому представляет, по нашему мнению, немалый интерес.

Для России черноморская проблема всегда имела огромное геополитическое значение, заняв ключевое место во внешней политике второй половины XVIII в. Быстрое экономическое развитие Российской империи привело к резкому росту производства сельскохозяйственных продуктов на продажу (прежде всего зерна). В связи с этим возросла и заинтересованность производителей-дворян в приобретении земель на юге и юго-востоке страны, где выращивалась основная масса товарного хлеба. Однако значительная часть плодородных приазовских и причерноморских степей — низовья Дона, Днепра и Буга — принадлежала Османскому государству и Крымскому ханству.

Прежде всего, требовалось наладить морскую торговлю со странами Южной Европы и Ближнего Востока. Для этого стране был необходим выход к Черному морю, строительство там торговых портов и свободный транзит русских товаров через турецкие проливы. Однако Османская империя успешно блокировала любые попытки России укрепиться на юге, рассматривая Черное море в качестве своего «внутреннего» водоема. Существовал и официальный запрет на появление русских судов в южных водах, зафиксированный Прутским мирным договором 1711 г. Позднее он был подтвержден Белградским договором 1739 г. — основным документом, регулирующим российско-османские отношения до 1774 г.³ Согласно ему, России запрещалось иметь военный флот на Азовском и Черном морях, а торговля с Южной Европой могла вестись только с использованием турецких кораблей.

Хотя черноморская проблема состояла из двух неразрывных звеньев — крымского и кавказского вопросов, главным все же оставался крымский: именно ханство выполняло и в Причерноморье, и на Кавказе основную отвлекающую роль в рамках османской стратегии глобального сдерживания России. Таким образом, без нейтрализации (тем или иным способом) ханства Российской империи нельзя было рассчитывать на открытие пути к Средиземному морю.

Российское правительство и сама императрица Екатерина II вполне осознавали значение Крыма для геополитических судеб Российской империи. Еще в июле 1762 г., вскоре после воцарения государыни, канцлер М. И. Воронцов представил ей всеподданнейший доклад «О Малой Татарии», в котором говорилось: «Полуостров Крым местоположением своим столько важен, что действительно может почитаться ключом российских и турецких владений; доколе он останется в турецком подданстве, то всегда страшен будет для России, а напротив того, когда бы находился под российской державою, или бы *ни от кого зависим не был* (здесь и далее курсив наш. — С. Г.), то не токмо безопасность России надежно и прочно утверждена была, но тогда находилось бы Азовское и Черное море под ею властью...»⁴

Геополитическое обоснование дополнялось не менее важным эмоциональным посылом, который хорошо выразил в одной из работ военный историк П. М. Сакович: «...не забудем, что к борьбе с Татарами нас обязывала наша

история. Притом, будущность Государства требовала уничтожения притона хищников, от которых тогдашние наши Украинские губернии не имели никакой защиты. Индия от Албиона отделена океанами; а Крым лежит на наших южных пределах, и жители Малороссии, ложась спать сегодня, не могли с уверенностью поручиться, что завтра не попадут в неволю и не понесут разорения от хищников-соседей»⁵. При Петре I и его преемниках крымский вопрос решить не удалось, и он остался в наследство императрице Екатерине II. Ситуация с Крымом изменилась только в ходе русско-турецкой войны 1768–1774 гг.

Поначалу на крымском направлении предполагались лишь оборонительные действия — основным театром военных действий должны были стать дунайские княжества. Однако после неожиданного набега (последнего в истории) хана Къырым-Герая на окрестности Елисаветграда⁶ в январе — феврале 1769 г., повлекшего большие потери среди мирного населения, первоначальный план решили изменить. 16 (27) октября 1769 г. в высочайшем рескрипте на имя командующего 2-й армией графа П. И. Панина императрица повелела: «Мы заблагоразсудили сделать испытание, не можно будет Крым и все Татарские народы поколебать в верности к Порте внушением им мыслей *к составлению у себя ни от кого независимого правительства*»⁷. Тогда и была впервые поставлена стратегическая задача, определившая всю российскую политику на южном направлении на ближайшие годы: создать у границ Российской империи одно (или несколько) татарских государственных образований, которые находились бы под влиянием России и могли бы стать реальными буферами между ею и Османским государством.

Стратегические основы крымской политики были определены Советом при высочайшем дворе 15 (26) марта 1770 г. — этот орган направлял все военные и дипломатические действия в период войны⁸. Цель предстоящей кампании была поставлена в высочайшем рескрипте от 2 (13) апреля 1770 г., отправленном на имя командующего 2-й армией генерал-аншефа графа Петра Ивановича Панина (брата Никиты Ивановича Панина, руководившего тогда российской внешней политикой). Главный вывод, к которому пришли Екатерина II и ее Совет: не следует добиваться включения Крыма в состав России. Оптимальное решение государыня видела в другом: «Совсем нет Нашего намерения иметь сей полуостров и Татарские орды, к оному принадлежащие, в Нашем подданстве, а желательно только, чтоб они отторгнулись от подданства Турецкого и остались навсегда в независимости»⁹. Это решение мотивировалось, во-первых, тем, что крымские татары «по свойству их... никогда не будут полезными Нашей Империи подданными; [поскольку] никакие порядочные подати не могут быть с них собираемы; они же и к обороне границ ее служить не будут; ибо с той стороны... уже никакого соседа, который бы покусился на Российские границы». Второе — дипломатическое — объяснение этой стратегии лишь упоминалось (хотя и было, надо думать, главным): императрица отметила, что присоединением татарских территорий «возбудилась бы общая и не безосновательная

зависть и подозрение, о беспредельном намерении умножения областей, скипетру Нашему подверженных, от чего, однако ж, предостерегаться благоразумие научает». Как видим, императрица вполне осознанно стремилась избежать обвинений Европы в агрессивной политике. К тому же в Петербурге отдавали себе отчет в большой разнице национальных менталитетов: проектом по присоединению «никакой знатной и существительной пользы обещать себе не возможно, будучи Татарские народы такого свойства, что они за одно имя подданства считают иметь право всего требовать в свою одну пользу, для других же услуги свои и пользу в том только поставляют, что живут спокойно и не разбойничают». Очень знакомая позиция — в российской истории так вели себя жители и других окраин империи...

По заключению Совета, наилучшим выходом для России было бы провозглашение независимости Крыма: «Но сколь ни мало для России пользы из подданства Крыма и Татарских орд, но, напротив того, велико уже и знатно быть может приращение силам и могуществу Российскому из их от власти Турецкой отторжения, и в независимости и собственной свободности утверждения...» Этим средством Порты «претворится в небытие моральное, по тому что ей не кем и ни с которой стороны неудобно будет делать никаких важных предприятий на Российские границы, да и тем же самым положится навсегда новое и довольно важное препятствие переводить ей свои войска и чрез Дунай, имея тогда в правом боку независимых от нее Татар». Как видим, цели ставились на разных уровнях: как стратегические, так и тактические. Исходя из этого, Совет утвердил главную цель предстоящей крымской кампании: «...не полагать оружия... пока Порты не признает торжественно, в своем с Нами мирном договоре, независимую область Крыма с принадлежащими к нему ордами...» Панину предписывалось незамедлительно начинать «негоциацию» (переговоры) с татарами, чтобы «склонять их *не к нашему подданству, но только независимости и отложению* (отделению. — С. Г.) своему от Турецкой власти, обещая им торжественно наше ручательство, покров и оборону...»

Однако этому смелому плану не хватало ключевого элемента — лица, которому в Петербурге смогли бы доверить его реализацию. И вскоре нужный человек был найден... В январе 1771 г. в Крыму случилось происшествие, на первый взгляд совсем незначительное, но оказавшее, как позже выяснится, определяющее влияние на историческую судьбу ханства. Командующий 2-й армией генерал-аншеф князь В. М. Долгоруков послал в Бахчисарай на переговоры своего уполномоченного Мавроени и двух перешедших на сторону России знатных ногаев. В отсутствие хана (тот воевал с русскими на Дунае) посольство принимал калга Мехмед-Герай. Но что-то в татарской столице пошло не так, и российских эмиссаров посадили под стражу, где они просидели целых 22 дня. Им грозила смертная казнь — если бы не 24-летний ногайский сераскер Шахин-Герай, который неожиданно вступился за русских и убедил калгу отпустить неудачливых визитеров восвояси¹⁰. Столь неожиданная лояль-

ность молодого султана далекой православной державе сразу обратила на себя внимание российского высшего командования. Это и было первое появление на международной арене человека, которому предстояло сыграть столь трагическую роль в политической судьбе своей нации, — будущего последнего легитимного хана в крымской истории.

Вскоре начался его путь к верховной власти. В ходе переписки Шахин-Герай и предводитель Едисанской ногайской орды Джан-Мембет-бей (и раньше выражавший симпатии русской стороне) выяснили общность взглядов на будущие судьбы их народа. 4 (15) марта 1771 г. ногайские старшины всех четырех орд заявили Веселицкому, что желали бы выбрать себе хана, независимого от Крыма. У них уже имелся и кандидат — знакомый русским Шахин-Герай: «...из всех Гиреев один этот султан всем народом любим»¹¹. Екатерина II не возражала — Шахин-Герай был, по ее мнению, «человек надежной и благонамеренной». 10 (21) мая она повелела: «Мы весьма на избрание его соизволяем, с тем, чтоб он избран был и дал от себя обязательство быть Ханом над всеми Татарскими народами, отложившимися от Порты Оттоманской, обязываясь сверх того на всегда остаться в независимости и союзе с Нашею Империею, *управляя Татарами по древним их обыкновениям и законам...*»¹². Обратим внимание на высочайшую оговорку, выделенную в тексте: Екатерина рассчитывала на успех этого проекта в полной уверенности, что ее ставленник будет свято соблюдать все традиционные татарские устои и обычаи — как религиозные, так и светские. И она никак не могла заподозрить тогда, что юный султан, заняв наконец бахчисарайский дворец, окажется настоящим «революционером на троне», взяв за пример самого Петра Великого. Кто знает, если бы Шахин-Герай не захотел во что бы то ни стало реализовать на практике собственные идеалы государства, а следовал бы вековым традициям своего народа, — возможно, все в истории Крыма было бы по-другому...

Выступая за избрание Шахин-Герая ногайским ханом, Екатерина имела в виду создание в ближайшем будущем под его началом дружественного России ногайского племенного объединения, независимого от Крыма и Османской империи. Эта екатерининская идея будет воплощена в жизнь, несмотря ни на какие препятствия, но на это потребуются долгие шесть лет... Многое произошло за эти годы: с Османской империей был заключен Кючук-Кайнарджийский мирный договор, завершивший русско-турецкую войну 1768–1774 гг.; в середине апреля 1775 г. в Крыму произошел государственный переворот, в ходе которого хан Сахиб II Герай был отстранен от верховной власти новым ханом Девлет IV Гераем — последним реально независимым и от русских, и от турок крымским властителем; в декабре 1776 г. Шахин-Герай был признан ногайскими ордами на Кубани крымским ханом; наконец, 21 апреля (2 мая) 1777 г. нового хана признали и крымские элиты.

В Петербурге было решено предоставить Шахин-Герая полную самостоятельность во внутренних делах. Главным сторонником такого подхода

выступил глава российского внешнеполитического ведомства Н.И. Панин. Тем не менее внешняя политика ханства теперь должна была согласовываться с российским посланником. Таким образом, можно говорить об установлении в мае 1777 г. фактического протектората Российской империи над Крымским ханством — как известно, важнейшим признаком подобных двусторонних отношений считается именно делегирование государству-протектору своих внешнеполитических прав опекаемым государством при сохранении прочих признаков государственности.

Вступив на крымский престол, Шахин-Герай энергично принялся воплощать в жизнь свои самодержавные идеалы. В цели автора не входит рассмотрение новаций молодого хана, равно как и их фатальных для крымской государственности последствий. Следует признать, что многие из мер, принятых правительством Шахин-Герая, с экономической точки зрения были вполне разумны. Тем не менее, как представляется, его политика ускоренной тотальной модернизации в целом была обречена на провал, и тому имелись как субъективные, так и объективные причины. Можно заключить, что полная экономическая и социальная необеспеченность реформ Шахин-Герая не оставляла его прогрессивным начинаниям никаких шансов на успех. Более того, за считанные месяцы правления хан умудрился восстановить против себя почти всех прежних сторонников, приближенных и даже родственников — не говоря уже о простолюдинах. В итоге 3 (14) октября в Мангупе началось татарское восстание против хана Шахин-Герая, которое сразу же переросло в страшную гражданскую войну, продолжавшуюся до середины февраля 1778 г.

Екатерина II вполне осознавала всю серьезность сложившейся в Крыму обстановки, но не считала возможным отказываться от своих планов. В критической ситуации государыня планировала эвакуировать Шахин-Герая из Крыма на Кубань «не изверженным (не низложенным. — С. Г.), а действительным ханом, и удержать там под его начальством знатную часть татар в образе и лице независимой области». Туда же будет разрешено свободное переселение крымцев, «кои искренне привязаны к настоящему их владетелю (Шахин-Герая. — С. Г.)». Этим путем Екатерина планировала достигнуть «...хотя для одной части границ Империи, прежнюю нашу главную цель в удалении от себя непосредственной смежности владений турецких» — т. е., говоря современным языком, учредить на Кубани буферное государственное образование между российскими и османскими границами. Выделенный курсивом фрагмент заслуживает самого пристального внимания, поскольку позволяет сделать важнейший вывод: в конце 1777 г. Екатерина II еще не планировала в ближайшее время присоединять Крым. Государыня видела его зависимым, но формально самостоятельным государством, выполняющим функцию барьера между историческими противниками — Российской и Османской империями.

В Петербурге тогда боролись два взгляда на крымскую проблему. Первый продвигал статс-секретарь императрицы А. А. Безбородко. Еще в 1776 г. он по-

дал императрице «Записку о Крымских Татарах», в которой настаивал на ликвидации ханства: «...нужно есть принять добрые меры противу сих наших вечных неприятелей, дабы однажды навсегда привести себя от них в безопасность, и чрез то доставить отечеству нашему надежное навсегда спокойствие»¹³. В конце 1777 г. Безбородко писал члену Коллегии иностранных дел П. В. Бакунину (Меньшому), что «независимость Татар в Крыму ненадежна для нас и что надобно помышлять о присвоении сего полуострова»¹⁴. Сходно мыслил и фельдмаршал П. А. Румянцев-Задунайский, также пришедший к выводу, что далее сохранять независимость Крыма невозможно. С ним был согласен и командующий Крымским корпусом А. А. Прозоровский. Как видим, противниками крымской независимости были прежде всего люди военные, пребывающие в шоке от неожиданного и сокрушительного татарского восстания и непосредственно занятые его подавлением.

Напротив, персоны гражданские, те, кто не занимался текущими отношениями с Крымом, считали целесообразным сохранение, несмотря ни на что, формально независимого ханства в качестве буфера между Российской и Османской империями — разумеется, как российского протектората. Основным сторонником этого подхода всегда выступал руководитель Коллегии иностранных дел граф Н. И. Панин (курс на присоединение Крыма будет взят лишь после его устранения от дел в конце 1780 г., и начатого Екатериной II сближения с Австрией)¹⁵. В начале же 1778 г., когда татарское восстание пошло на спад, на сторону Панина встал и Г. А. Потемкин, и с мнением светлейшего князя согласилась и императрица. В Петербурге решили, что политическая игра с крымским ханом будет пока что продолжена: «плод» должен был созреть. Но со временем отношение Екатерины к крымской проблеме начало меняться: она смотрела на личность хана, его способности к управлению государством, да и на перспективы крымской государственности в целом все более и более критично. Новый подход обозначился в ходе подготовки Айналы-Кавакской изъяснительной конвенции, заключенной Российской и Османской империями 10 (21) марта 1779 г.

Позиции российской стороны на предстоящих переговорах были определены в двух высочайших рескриптах на имя российского полномочного представителя в Стамбуле А. С. Стахиева. В первом из них, от 16 (27) января 1779 г., говорилось: «Не место здесь да и поздно уже входить в разбирательство о выборе Шагин-Гирей-хана. Взаимные между обеими империями дела дошли до такой крайности, что без признания его ханства, никак любовной развязки места иметь нельзя. Российский императорский двор остается по сей статье непоколебимо при своем ультимате; но с другой стороны готов ныне условиться с Портою ясным и торжественным образом, *чтоб впредь ни та, ни другая империя ни явно, ни тайно не мешалась в будущие выборы ханов крымских*»¹⁶.

Отмеченный момент исключительно важен: перед нами не что иное, как официальная декларация возврата к традиционной системе выборной монархии в Крыму (и, значит, отказ от упрочения режима абсолютной монархии после

ухода Шахин-Герая). Между тем напомним: с апреля 1777 г. требование признания Портой наследственного самодержавия в Крыму (несовместимого с выборным началом) являлось, наряду с формальным утверждением султаном именно Шахин-Герая в качестве хана, одной из главных стратегических задач российской дипломатии в Стамбуле. Тем не менее в проекте конвенции, апробированном императрицей в январе 1779 г. (эти пункты вошли в принятый документ без изменений), говорилось лишь о том, что султан должен «признать ханом Шагин-Гирея и снабдить его по условленной же форме благословительными грамотами»¹⁷. О самодержавной же природе власти хана, равно как и о наследных правах его потомков, там также не было сказано ничего — упоминался только переход верховной власти в Бахчисарае «при случае законной вакансии добровольно избранного и возведенного хана». Таким образом, российская сторона тихо и без каких-либо обсуждений, еще до переговоров, сняла одно из основных своих прежних требований — об утверждении наследственной монархии в Крыму. Действительно, впоследствии об этом больше не упоминалось ни в одном из российских дипломатических документов.

Таким образом, императрица отказалась от отстаивания одного из приоритетов Шахин-Герая, символа его нового «самодержавного» статуса, — идеи наследственного преемства, не говоря уже о горячо желаемом им праве лично назначать себе преемника. В чем же причина столь резкого изменения российской позиции? К сожалению, обнаруженные документы не дают возможности однозначно ответить на этот вопрос. Как представляется, можно выдвинуть три взаимодополняющие версии. Во-первых, резонно предположить, что Екатерина настолько стремилась в тот момент заключить долгожданное соглашение с Портой, что решила заранее отступить во всех непринципиальных для нее вопросах. Во-вторых, молчаливое согласие государыни на возвращение к институту выборной монархии в Крыму вполне могло оказаться ее реакцией на разочарование в своем протеже — его действиях во время последнего мятежа (и особенно допущенных жестокостях при подавлении), да и в безрассудно проводимой им внутренней политике в целом. В-третьих, можно предположить и еще одну возможную причину, по которой императрица перестала отстаивать самодержавные амбиции Шахин-Герая.

Понятно, что российские представители в Крыму (командующий Крымским корпусом и резидент) ни в коем случае не смогли бы воздержаться от вмешательства в будущие ханские выборы — без риска потерять этот протекторат. В таком случае связывать себя сейчас, да еще и по собственной инициативе, «ясным и торжественным» обещанием перед Портой воздержаться от такого вмешательства — выглядит на первый взгляд нелогично и неадекватно. Но все становится на свои места, если предположить, что императрица именно к этому времени (т.е. к началу 1779 г.) уже пришла к стратегическому решению присоединить Крым к своей империи рано или поздно — но при правлении Шахин-Герая. А если ему суждено стать последним крымским ханом и никаких

новых ханских выборов в Крыму больше никогда не будет — то сейчас можно обещать османам все что угодно...

Итак, исходя из всей совокупности имеющихся данных о генезисе крымско-татарской государственности периода независимости (1771–1783), можно сделать следующий важный вывод: 1777–1779 гг. оказались определяющими для исторической судьбы Крымского ханства. Именно в эти годы отношение Екатерины II к вопросу о присоединении Крымского ханства к Российской империи принципиально изменилось. К моменту воцарения на бахчисарайском троне Шахин-Герая (апрель 1777 г.) эта возможность даже не обсуждалась — еще с 1771 г. оптимальным признавалось существование сильного союзного буферного татарского государства между двумя империями.

Однако ко времени заключения Айналы-Кавакской конвенции (март 1779 г.) присоединение уже рассматривалось в Петербурге как вполне реальная перспектива — пусть и не близкого будущего. Об этом свидетельствует отказ от одного из основных прежних требований российской стороны — утверждения Портой наследственной монархии в Крыму. Дальнейшая судьба Крыма известна. После череды кровопролитных восстаний и еще более кровопролитных их подавлений на обезлюдевшем полуострове воцарилась полная хозяйственная разруха; к весне 1783 г. крымский плод «созрел»... В феврале 1783 г. Шахин-Герая вынудили отречься от престола, а 8 (19) апреля Екатерина II подписала знаменитый манифест «О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны, под Российскую Державу»¹⁸.

Основные причины кризиса, а затем и краха Крымской государственности были, по нашему мнению, внешними. В этой связи совершенно справедливым представляется вывод видного современного исследователя истории Крымского ханства Р. Т. Дейникова: «Десятилетний период независимости не принес ханству благоденствия. В условиях противостояния Российской и Османской империй в регионе нельзя было рассчитывать на сохранение независимости государства, занимающего столь важное геостратегическое положение»¹⁹.

Однако имелась и другая принципиально важная причина кризиса — внутренняя. Очень сложно ветру сломить здоровое дерево, но куда легче, если оно трухляво внутри. Следует согласиться с другим известным отечественным историком, С. Ф. Орешковой, отметившей: «Крымская государственность оказалась не столь зрелой и гибкой, она искала над собой единоверной власти, а не независимости и внутренней самостоятельности. <...> Десятилетие независимого существования Крымского ханства показало, что оно не готово ни к независимости, ни к модернизации своего общества. <...> У ханства не оказалось ни способности, ни готовности, ни государственной зрелости, ни сил, чтобы воспользоваться независимостью»²⁰. «Татарская область» в 1770-е гг. так и не смогла совершить шаг в будущее, куда ее (против воли населения) влек последний легитимный крымский хан Шахин-Герай. По сути, татарское общество не смогло соответствовать масштабу личности своего государя.

- ¹ *Гаеврюшкин А. В.* Граф Никита Панин. Из истории русской дипломатии XVIII века. М., 1989. С. 144; *Бажова А. П.* Дипломатия при Екатерине II // История внешней политики России. XVIII век (От Северной войны до войн России против Наполеона) / Ред. Г. А. Санин. М., 1998. С. 125; *Виноградов В. Н.* Война 1768–74 гг. — неизбежная, но несвоевременная // Век Екатерины II. Дела балканские / Ред. В. Н. Виноградов. М., 2000; *Каменский А. Б.* Жизнь и судьба императрицы Екатерины Великой. М., 1997. С. 216; *Мадариага де И.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002.
- ² *Королев С. В.* Екатерина II и образование «независимого» Крымского ханства // Екатерина Великая: эпоха российской истории: Тезисы докладов международной научной конференции. Санкт-Петербург, 26–29 августа 1996 г. / Ред. Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. СПб., 1996. С. 186–187.
- ³ *Петросян Ю. А.* Османская империя. Могущество и гибель. Исторические очерки. М., 1990. С. 162.
- ⁴ Цит. по: *Дружинина Е. И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. (Его подготовка и заключение). М., 1955. С. 66.
- ⁵ *Сакович П. М.* Исторический обзор деятельности графа Румянцева-Задунайского и его сотрудников: князя Прозоровского, Суворова и Бринка, с 1775 по 1780 год // Русская беседа. М., 1858. Т. II. Кн. 10. Разд. «Науки». С. 11.
- ⁶ Елисаветград — до 1924 г.; до 1934 г. Зиновьевск; до 1939 г. Кирово; до 2016 г. Кировоград; соврем. Кропивницкий.
- ⁷ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. 2-е изд. СПб., 1851–1879. Кн. 6. Т. XXVI–XXIX. Стб. 578.
- ⁸ Архив Государственного Совета: В 2 т. Совет в царствование Екатерины II. 1768–1796. СПб., 1869. Т. 1. Стб. 43–44.
- ⁹ Высочайшие рескрипты Екатерины II и министерская переписка по делам крымским. Из семейного архива графа Виктора Никитича Панина. Ч. I // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. М., 1871. Кн. 4. Разд. II. С. 1–2.
- ¹⁰ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Стб. 735–736.
- ¹¹ *Лашков Ф. Ф.* Шагин-Гирей последний Крымский хан // Киевская старина. 1886. № 9. С. 41.
- ¹² Высочайшие рескрипты Екатерины II. Ч. I // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. М., 1871. Кн. 4. Разд. II. С. 48.
- ¹³ Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1879. Т. 26. С. 45.
- ¹⁴ Там же. С. 93.
- ¹⁵ *Вернадский Г. В.* Записки о необходимости присоединения Крыма к России. (Из Тавельского архива В. С. Попова) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1919. № 56. С. 111.
- ¹⁶ Присоединение Крыма к России: Рескрипты, письма, реляции и донесения: В 4 т. / Сост. Н.Ф. Дубровин. СПб., 1885–1889. Т. 3. С. 20–21.
- ¹⁷ Присоединение Крыма к России. Т. 3. С. 29–30.
- ¹⁸ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Т. XXI. 1783. № 15708.
- ¹⁹ *Дейников Р. Т.* Основные этапы и хронологические рамки истории присоединения Крымского ханства к России // Путь на пользу: к 225-летию путешествия Екатерины Великой в Новороссию и Крым. М., 2012. С. 54.
- ²⁰ *Орешкова С. Ф., Ульченко Н. Ю.* Россия и Турция: проблемы формирования границ. М., 2006. С. 45, 47–48.

REFERENCES

Prisoedinenie Krimea k Possii: Rekrripti, pisma, relatsii i donesenia: V 4 t. [Annexation of Crimea to Russia: Rescripts, letters, reports and reports: In 4 vols. In Russ.] / Comp. N. F. Dubrovin. St. Petersburg, 1885–1889. Vol. 3.

Arhiv Gosudarstvennogo Soveta: V 2 m. Sovet v tsarstvovanie Ekaterini II. 1768–1796 [Archive of the State Council: In 2 vols. The Council in the reign of Catherine II. 1768–1796. In Russ.]. St. Petersburg, 1869. Vol. 1. Columns 43–44.

BAZHOVA A. P. *Diplomatija pri Ekaterine II* [Diplomacy under Catherine II. In Russ.] // *Istorija vneshney politiki Rossii. XVIII vek (Ot Severnoy voyni do voyn Rossii protiv Napoleona)* / Ed. G. A. Sanin. Moscow, 1998.

Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obschestva. St. Petersburg, 1879. T. 26.

DEYNIKOV R. T. *Osnovnie etapi i hronologicheskie ramki istorii prisoedinenija Krimskogo hanstva k Rossii* [The main stages and chronological framework of the history of the annexation of the Crimean Khanate to Russia. In Russ.] // *Put na polzu: k 225-letiju puteshestvija Ekaterini Velikoy v Novorossiju i Krim.* Moscow, 2012.

DRUZHININA E. I. *Kyuchuk-Kainardzhiyskiy mir 1774 goda (ego podgotovka i zakluchenie)* [Kyuchuk-Kainardzhiyskiy mir 1774 (Its preparation and conclusion). In Russ.]. Moscow, 1955.

GAVRYUSHKIN A. V. *Graf Nikita Panin. Iz istorii russkoy diplomatii XVIII veka* [Count Nikita Panin. From the history of Russian diplomacy of the 18th century. In Russ.]. Moscow, 1989.

KAMENSKY A. B. *Zhizn i sudba imperatritsi Ekaterini Velikoy* [The Life and Fate of Empress Catherine the Great. In Russ.]. Moscow, 1997.

KOROLEV S. V. *Ekaterina II i obrazovanie “nezavisimogo” Krimskogo khanstva* [Catherine II and the formation of the “independent” Crimean Khanate. In Russ.] // *Ekaterina Velikaja: epoha rossiyskoy istorii. Tezisi dokladov mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii. Sankt Petersburg, 26–29 avgusta 1996 g.* St. Petersburg, August 26–29, 1996 / Eds. T. V. Artemyeva, M. I. Mikeschin. St. Petersburg, 1996.

LASHKOV F. F. *Shagin-Girey posledniy Krimskiy han* [Shagin-Giray the last Crimean Khan. In Russ.] // *Kievskaya starina.* 1886. No. 9.

MADARIAGA de I. *Rossija v epohu Ekaterini Velikoi* [Russia in the Era of Catherine the Great. In Russ.]. Moscow, 2002.

ORESHKOVA S. F., ULCHENKO N. Yu. *Rossija i Turtsia: problemi formirovaniya granits* [Russia and Turkey: problems of border formation. In Russ.]. Moscow, 2006.

PETROSYAN Yu. A. *Osmanskaya Imperiya. Moguchestvo i gibel. Istoricheskie ocherki* [The Ottoman empire. Power and death. Historical essays. In Russ.]. Moscow, 1990.

SAKOVICH P. M. *Istoricheskiy obzor dejatelnosti grafa Rumiantseva-Zadunayskogo i ego sotrudnikov: knjaza Prozorovskogo, Suvorova i Brinka, c 1775 po 1780 god* [Historical review of the activities of Count Rumyantsev-Zadunaisky and his collaborators: Prince Prozorovsky, Suvorov and Brink, from 1775 to 1780. In Russ.] // *Russkaya beseda.* Moscow, 1858. T. II. Kn. 10. Razd. “Nauki”.

SOLOVIEV S. M. *Istorija Rossii s drevneyshih vremen.* 2 izd. [The history of Russia since ancient times. In Russ.]. Edition 2. St. Petersburg, 1851–1879. Book 6. Vols. XXVI–XXIX. Columns 578, 735–736.

Polnoe Sobranie Zakonov Rossiyskoy Imperii. Sobranie Pervoe [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The First Collection. In Russ.]. Vol. XXI. 1783. No. 15708.

Visochayshie reskrripti Ekaterini II i ministerskaya perepiska po delam krimskim. Iz semejnogo arhiva grafa Viktora Nikiticha Panina. Ch. I [The Highest Rescripts of Catherine II and the ministerial correspondence on Crimean affairs. From the family archive of Count Viktor Nikitich Panin. Part I. In Russ.] // *Chteniya v Imperatorskom Obsh'estve istorii i drevnostei Rossiiskih pri Moskovskom universitete.* Moscow, 1871. Kn 4. Razd. II.

VERNADSKY G. V. *Zapiski o neobходимosti prisoedinenija Krimea k Rossii (Iz Tavelskogo arhiva V. S. Popova)* [Notes on the need for the annexation of Crimea to Russia. (From the Tavelsky archive of V. S. Popov). In Russ.] // *Izvestiya Tavricheskoi uchenoi arhivnoi komissii.* 1919. No. 56.

VINOGRADOV V. N. *Voyna 1768–74 gg. — neizbezhnaya, no nesvoevremennaya // Vek Ekaterini II. Dela balkanskie* [The war of 1768–74 — inevitable, but untimely. In Russ.] / Ed. V. N. Vinogradov. Moscow, 2000. P. 94–115.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

С. И. Григорьев. «...Независимость Татар в Крыму ненадежна для нас...»: когда на самом деле в Петербурге решили присоединить Крым к России? // Петербургский исторический журнал. 2022. № 3. С. 21–32

Аннотация: В статье анализируется процесс формирования и последующих изменений взглядов императрицы Екатерины II и высшего руководства России на Крымский вопрос в 1770-е гг.: от стремления к провозглашению независимого государства в Крыму (1769) через утверждение фактического протектората Российской империи над Крымским ханством (1777) — к принятию стратегического курса на присоединение Крыма к России в скором будущем (1779). Также рассматриваются общие причины кризиса и краха Крымской государственности периода независимости 1771–1783 гг.

Ключевые слова: Крымское ханство, Екатерина II, Шахин-Герай, независимость, история дипломатии.

FOR CITATION

S. I. Grigoriev. “...The independence of the Tatars in Crimea is unreliable for us...”: when did St. Petersburg actually decide to annex Crimea to Russia? // Petersburg historical journal, 2022, no. 3, pp. 21–32

Abstract: The article analyzes the process of formation and subsequent changes in the views of Empress Catherine II and the top leadership of Russia on the “Crimean question” in the 1770s: from the desire to proclaim an independent state in Crimea (1769), through the approval of the actual protectorate of the Russian Empire over the Crimean Khanate (1777) — to the adoption of a strategic course for accession Crimea to Russia in the near future (1779). The general causes of the crisis and collapse of the Crimean statehood of the period of independence of 1771–1783 are also considered.

Key words: Crimean Khanate, Catherine II, Shahin-Gerai, independence, history of diplomacy.

Автор: Григорьев, Сергей Игоревич — к. и. н., научный сотрудник Государственного мемориально-го музея А. В. Суворова.

Author: Grigoriev, Sergey Igorevich — Candidate of Historical Sciences, a researcher at the A. V. Suvorov State Memorial Museum.

E-mail: sig19033@yandex.ru